

Татьяна Минасян

Дары
для
долгожителя

Татьяна Минасян
Дары для долгожителя

«Автор»

2026

Минасян Т. С.

Дары для долгожителя / Т. С. Минасян — «Автор», 2026

Великий ученый прошлого Омар Хайям преуспел во многих науках и в поэзии, написал множество стихов о любви, но ни одна земная женщина не смогла покорить его сердце. Как ему удалось развить в себе сразу несколько талантов и почему он остался одиноким? Все дело в том, что была в его жизни одна удивительная тайна...

© Минасян Т. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

14

Татьяна Минасян

Дары для долгожителя

Татьяна Минасян

Дары для долгожителя

Глава I

447 год хиджры (1055 год н.э.), Большая соляная пустыня

Они сидели прямо на песке, словно не боясь, что его потом придется вытряхивать из одежды, и тихо шептались о чем-то, а порой смеялись таким же тихим шелестящим смехом. Только полная луна и бесчисленные звезды, сиявшие в бездонно-черном небе, освещали их неприлично открытые лица – юные, бледные, с тонкими чертами и огромными темными глазами. Лунный свет блестел серебряными бликами на их длинных черных волосах, тоже открытых и свободной волной «стекавших» по их спинам на песок, звездный свет отражался в их глазах, которые, казалось, сами сияли ярче самых больших звезд. Этого света хватало, чтобы в ночной темноте можно было хорошо разглядеть и их лица, и тонкие руки с длинными и острыми ноготками, и полупрозрачные одеяния из тонкой и легкой, как дым, светлой ткани. И фигурки на стоящей между ними доске для игры в шатрандж.

Двое из них переставляли блестящие нефритовые и яшмовые фигурки, порой надолго задумываясь над каждым ходом, третья просто сидела рядом и с интересом следила за игрой. Взрослый человек, увидевший их, сказал бы, что перед ним самые прекрасные девы в мире, но украдкой наблюдавший за ними из-за угла небольшого шатра мальчик был еще слишком юн, чтобы оценить их неземную красоту. Для него каждая из этих незнакомок была не очаровательной прелестницей, а милой и доброй женщиной, почти такой же ласковой и приятной, как его мать. Хотя в глубине души он догадывался, что это не обычные девушки, что перед ним те, о ком они с сестрой так любили слушать сказки. Иначе откуда взялись они ночью посреди пустыни? В караване, к которому присоединился отец мальчика, впервые согласившийся, что его сын уже достаточно большой, чтобы его можно было взять с собой, не было ни одной женщины. И к их стоянке не мог подойти другой караван – тогда поднялся бы шум и все бы проснулось. Но над шатрами, в которых спали торговцы и путешественники, стояла ничем не нарушаемая тишина.

Кем бы ни были эти три шептавшиеся на краю стоянки красавицы, они не потревожили спящих. Даже наоборот, сообразил вдруг мальчик – при их появлении уснули и все те, кто не должен был спать, включая охранников, которым полагалось дежурить, иначе они услышали бы приглушенные голоса и смех незнакомок. И три собаки, бежавшие за караваном, услышали бы их и залаяли, и верблюды могли заволноваться – но, как видно, животные этой ночью спали так же крепко, как люди. Это было удивительно, но не страшно – ведь незваные гости не делали ничего плохого, они, казалось, вообще не обращали внимания на расставленные на песке шатры и палатки и на спящих чуть в стороне верблюдов. Их взгляды были сосредоточены на игровой доске, они даже не видели стоявшего совсем близко к ним и почти не скрывавшегося маленького зрителя. Что, впрочем, было не удивительно, потому что сражение зеленых и коричнево-красных фигурок на доске как раз близилось к своему завершению...

Женщина, игравшая нефритовым набором фигур, с сосредоточенным видом взяла одну из них и передвинула ее на одну клетку в сторону. Та из ее подруг, что только наблюдала за игрой, одобрительно кивнула. Третья же красавица, у которой осталось совсем немного крас-

новатых фигур, сначала напряженно задумалась, а потом наклонилась поближе к сопернице и что-то тихо сказала, отчего обе ее приятельницы захихикали, а она в тот же самый миг отставила одну из своих фигурок на середину доски.

После этого незнакомка, игравшая яшмовым набором, выпрямилась с легкой улыбкой и как будто бы приготовилась терпеливо ждать ответного хода. Но ее подруги, приглядевшись к доске повнимательнее, внезапно громко зашипели, словно пустынные змеи.

– Что ты делаешь?! – возмутилась та, что играла фигурами из нефрита. – С каких пор визирь ходит дальше, чем на одну клетку?

– Ты бы еще через всю доску, из одного угла в другой его переставила! – подхватила наблюдательница. – Если бы визирь мог так передвигаться, какой интерес был бы в столь легкой игре?

– Ах, я просто немного ошиблась! – таким же громким шепотом заявила их подруга, поспешно передвигая яшмового визиря на одну клетку ближе к его прошлому месту. – Зачем поднимать шум из-за такой мелочи?

– Это не мелочь, это обман, – сердито отозвалась ее соперница. – Люди могут плутовать, такова их природа, но для нас, пери, это недопустимо!

– Пффф! – зашипела в ответ уподобившаяся людям красавица. Возможно, она собиралась оправдываться дальше или ответить подругам какой-нибудь колкостью, но внезапно их спор прервал тоненький детский голосок:

– Неправда! Люди не обманывают! Плутовство – это дело пери!

Три прекрасных бледных лица, обрамленных серебристыми под лунным светом черными волосами, повернулись к вышедшему из-за шатра мальчику. Недовольное выражение на них быстро сменилось удивлением, а потом умиляющимися улыбками.

– Какой очаровательный дерзкий ребенок! – тихо воскликнула пери, наблюдавшая за игрой. – Что ты делаешь в торговом караване, как тебя взяли в дорогу, такого маленького?

– Я уже большой! – обиженно запротестовал мальчик. – Мне почти восемь лет, и отец взял меня с собой, чтобы я увидел, как он ведет дела с заказчиками. И чтобы потом помогал ему в этом.

– А кто твой отец? – спросила пери с нефритовыми фигурами.

– Ибрагим-палаточник из Нишапура, – гордо ответил ребенок с таким видом, словно его отца должны были знать во всем мире, в том числе и в сказочном.

Три прекрасные пери заулыбались еще сильнее, а звезды, сияющие в их огромных глазах, стали еще ярче, чем бесчисленные звезды, которыми было усыпано небо.

– Значит, ты, сын простого ремесленника, шьющего палатки, знаешь, кто мы такие, и знаешь, кто больше склонен к плутовству, мы или вы, люди? – лукаво подмигнула ему пытавшаяся жульничать пери. – Может быть, ты знаешь еще что-нибудь интересное?

– Знаю, – окончательного перестав бояться, ребенок подошел к женщинам и присел на песок рядом с игровой доской. – Знаю, что тебе, – посмотрел он в глаза любительнице смухлевать, – не нужно было обманывать. Ты и так можешь выиграть эту партию.

– И каким же образом она выигрывает? – изумилась соперница плутовки.

– Ей надо поставить своего визиря вот сюда, – мальчик передвинул яшмовую фигурку на одну клетку в другую сторону. – Тогда тебе, – посмотрел он в глаза пери, игравшей нефритовой армией, – не останется ничего другого, как прикрыть своего шаха последней пешкой – вот так, – он сделал ход зеленой фигуркой. – И если теперь она пойдет вот так, – его рука снова передвинула яшмового визиря, – то ты защитишь шаха уже не сможешь.

Три отливающие лунным серебром головы склонились над доской, изучая оставшиеся на ней фигуры, а потом выпрямились и снова посмотрели на малыша.

– Ты так мал, но уже умеешь играть в шатрандж? – обратилась к нему пери, наблюдавшая за игрой. – Кто научил тебя?

– Отец, – ответил мальчик. – Ну, я сам научился, когда смотрел, как он играет с нашим соседом, а потом он стал играть со мной, и я чаще всего у него выигрываю!

– Это не только очаровательный и смелый ребенок, – сказала проигравшая пери наблюдательнице. – Он еще и очень умный. Скажи, малыш, – вновь повернулась она к сыну палаточника, – а кем ты хочешь стать, когда вырастешь?

Улыбка сошла с лица мальчика, уступив место обиженному выражению.

– Отец хочет, чтобы я продолжил его дело, стал палаточником, – ответил он, опустив голову. – Он говорит, что сыновья должны учиться у отцов их ремеслу, заниматься им всю жизнь и учить ему своих сыновей. Но я... я хочу другого...

– Чего же? – хором спросили его три красавицы, и он снова поднял лицо и устремил свой взгляд в небо, в россыпь бесчисленных сияющих звезд.

– Я хочу... сосчитать все звезды на небе! – выпалил он. – Отец и мама говорят, что это невозможно, что Аллах сотворил их слишком много, чтобы человек мог их пересчитать, но я знаю, что были раньше мудрецы, которые сосчитали почти все... Я хотел бы прочесть их книги, научиться считать и придумать, как сосчитать все, как узнать, сколько в небе звезд в точности!

– И поэтому ты не спишь сейчас? – спросила выигравшая с его помощью пери. – Ты дождался, пока твой отец заснет, и вылез из шатра, чтобы посмотреть на звезды, да?

– Да! – не стал скрывать ребенок, все еще глядевший поверх голов своих собеседниц в небо. – Я и дома... часто так делаю. Когда отец, мама и сестра спят.

– И это все, чего ты хотел бы? – уточнила проигравшая пери, собирая в шелковый мешочек нефритовые фигурки.

– Нет... – мальчик смущенно опустил глаза. – Еще я думал... что было бы прекрасно стать врачом. В прошлом году моя мама много болела... у нее болела спина, и она почти не могла встать с постели. Айше, это моя сестра, пришлось самой делать все по дому, а раньше она только помогала маме... А наш сосед однажды сломал ногу – и совсем долго не мог ходить, а теперь ходит, но хромот. А другой сосед долго болел и умер – и никто не знает, от чего. Если бы я мог выучиться на врача и найти средства от всех болезней! Я хотел бы прочитать книги врачей-мудрецов, узнать то, что знали они, а потом лечить людей еще лучше, чем они!

Три пери переглянулись, и теперь их лица были серьезны, а в глубине их черных глаз как будто бы заблестели слезы.

– Есть среди людей те, кто стремится не только убивать и разрушать, не только плутовать и копить богатство... – тихо, почти неслышно прошептала наблюдательница.

– Возможно, этот ребенок хочет чего-нибудь и для себя, – возразила выигравшая красавица, тоже собирая свой набор фигур. – Скажи нам, сын Ибрагима-палаточника, есть ли еще что-то, чего ты хотел бы, кроме умения считать звезды и лечить?

На мгновение ребенок смутился еще сильнее и опустил глаза, но потом снова посмотрел на пери смелым взглядом.

– Сегодня днем... когда мы ехали на верблюдах... я смотрел по сторонам и увидел, как красиво в пустыне, – начал он рассказывать, сперва неуверенно, но с каждой фразой все смелее. – Она такая... разноцветная, то желтая, то коричневая, то почти белая, а иногда розовая... Нет, я и раньше ее видел, мы с соседскими мальчишками убегали из города в пески и гуляли там, хотя взрослые и запрещают это... Все говорят, что в пустыне опасно – а она так красива! Я хотел бы рассказать об этом отцу, и маме, и Айше, и другим людям, рассказать так, чтобы они почувствовали это. Но я не могу найти такие слова, чтобы рассказать... Я пробовал сказать отцу вечером, но он только рукой махнул, не стал слушать, велел мне спать... Если бы я был таким, как великие поэты прошлого, если бы мог рассказать это стихами!..

И вновь пери переглянулись – и на их лица вернулись умиляющиеся улыбки.

– Это дерзкий, умный и обаятельный ребенок, – подвела итог проигравшая красавица. – Он совсем еще малыш, но уже играет в шатрандж лучше нас – и не плузует, как некоторые, –

она одарила свою склонную жульничать соперницу ехидным взглядом. – Разве он не заслуживает небольшого подарка от нас?

– Заслуживает, – хихикнула выигравшая пери. – И поскольку нас трое – сделаем ему три маленьких подарка!

Игравшие в шатранж пери посмотрели на свою подругу-наблюдательницу, и она, чуть помедлив, кивнула:

– Да будет так! Но подарки могут принести человеку не только радость, и иногда за то, что досталось даром, приходится платить еще дороже, чем за купленное на звонкие монеты.

– Он еще слишком мал, чтобы требовать с него плату за наши дары, – в один голос возразили ее подруги.

– Верно, – согласилась наблюдательница. – И поэтому мы поговорим с ним о плате позже, когда он станет взрослее. А пока, – она протянула руку и погладила мальчика по жестким темным волосам, – возвращайся в свой шатер, сын Ибрагима-палаточника, и ложись спать. У тебя будет в жизни шанс стать звездочетом, и лекарем, и поэтом – это наши подарки тебе. Но воспользуешься ли ты этим шансом, мы не знаем. Тут все в твоих руках.

– Благодарю вас, прекрасные пери, – поклонился им ребенок и сделал несколько шагов ко входу в шатер, из которого доносился храп его отца. Однако на полпути туда он обернулся, чтобы еще раз посмотреть на так щедро одаривших его красавиц, а заодно на пылающие в небе звезды.

Но на том месте, где сидели три пери и лежала между ними доска с резными фигурками, больше никого и ничего не было – только налетевший откуда-то ветер закрутил песок небольшим вихрем.

А вот звезды мерцали в небе, как и прежде, даже еще ярче.

Солнце стояло в зените, длинная вереница верблюдов медленно шла по песчаным холмам, и сидящие на них между горбов всадники плавно раскачивались из стороны в сторону. Собаки семенили по песку рядом с ними, то отставая, то забегая вперед. Маленький мальчик, ехавший в одной из двух корзин, свисающих по бокам между горбов самого сильного из верблюдов его отца Ибрагима, как и накануне, любовался уходящими за горизонт песками, но глаза его то и дело закрывались, голова клонилась на грудь, и перед его мысленным взором начинали мельтешить какие-то другие, совсем не похожие на окружающий пейзаж образы. Ночная пустыня, поднятые ветром песчаные вихри, черное небо, переливающееся великим множеством мерцающих звезд, сосчитать которые невозможно...

– Не выпался, сынок? – посмеивался ехавший рядом Ибрагим. – Смотри, не выпади из корзины! Говорил я, рано тебе еще путешествовать так далеко!

– Я не сплю! И ничего не рано! – встряхивался ребенок и некоторое время оглядывался по сторонам, но потом вновь начинал клевать носом.

Слишком уж мало спал он прошлой волшебной ночью, и слишком убаюкивающим было движение раскачивающегося из стороны в сторону верблюда. Но это покачивание не только усыпляло, внезапно понял юный путешественник. Качаясь вместе с несущим его животным, мальчик словно бы начинал думать в такт с его шагами, и лениво кружившиеся у него в голове мысли как будто бы тоже раскачивались в таком темпе – и слова в них передвигались, менялись местами, пока каждое не находило свое собственное место...

Сколько звезд в небесах, есть числу их конец?

Для чего их так много, скажи мне, Творец!

Неужели дана красота эта людям

Лишь для счастья, для бурного стука сердец?!¹

Глава II

456 год Хиджры (1064 год н.э.), Красные пески

Они снова сидели прямо на песке, чуть в стороне от палаток и спящих верблюдов, и о чем-то тихо переговаривались шелестящим шепотом. Слов издалека было не разобрать – казалось, это ветер чуть слышно шуршит песчинками среди барханов. Но не спавший всю ночь и собравшийся лечь под утро, в самый морозный час юноша, услышав этот легкий шум, сразу понял, что это не ветер...

Перед ними на песке была расстелена расшитая узорами скатерть, на которой стояло несколько маленьких площадок, окружавших тарелку с пышными свежими лепешками – их аромат юноша почувствовал прежде, чем увидел угощавшихся ими красавиц и смог расслышать их разговор. И узнал он всех троих сразу, несмотря на то, что не встречал их больше восьми лет, и на то, что они были похожи друг на друга. Слева от дастархана полулежала на боку, опираясь на локоть, любительница плутовать в играх, окутанная бледно-розовой кисеей, справа, напротив нее, сидела, откинувшись назад и запрокинув голову, ее соперница, игравшая честно, в голубом полупрозрачном одеянии, а между ними, скрестив ноги, восседала их рассудительная подруга в белом, предпочитавшая наблюдать за игрой или беседой.

Молодой человек узнал их лица, хотя во время той первой встречи они казались бледными, почти белыми в серебристом свете луны, а теперь появившийся из-за горизонта алый край солнца окрасил их щеки нежным розовым румянцем. И эти лица были так же прекрасны, как и почти девять лет назад! И не только лица...

Он смотрел на этих трех дев в легких одеждах, почти не скрывавших их красоту, смотрел на плавные изгибы их тел, на черные волны их волос, «растекающиеся» по красноватому песку, на сверкающие, как звезды, бездонные глаза с длинными ресницами... Его взгляд метался от одной перы к другой, а от той – к третьей и не мог оторваться от этого зрелища, самого прекрасного и самого удивительного в его жизни. Он не чувствовал больше ни холода, от которого его не спасало даже накинутое на плечи одеяло из верблюжьей шерсти, ни усталости от бессонной ночи. Он не думал о том, что все его спутники, включая охранников и их собаку, вновь, как и в прошлый раз, крепко спят и не слышат чужих голосов. Алый восход над рыжевато-красной пустыней, которой он с такой радостью любовался днем, светлеющее небо с пока еще яркими, хотя и постепенно гаснущими звездами, к которым его взгляд был прикован ночью, дастархан с приятно пахнущим хлебом и другими яствами – все это исчезло, и сейчас он видел только трех самых красивых в мире женщин и больше всего на свете желал смотреть на них, не отрываясь, как можно дольше...

– Какой очаровательный дерзкий юноша! – тихо прошелестела любительница хитрить в розовом, приподнимаясь с песка и улыбаясь неожиданному визитеру. – Любуется нами и не отводит глаз, не смущается...

Замерший в нескольких шагах от них молодой человек ничего не ответил. Что он мог сказать? Он смущался, еще как смущался, но перестать смотреть на красавиц было выше его сил.

– Ты вырос, сын Ибрагима-палаточника, – подала голос перы в голубом, сидевшая справа.

– И стал еще более очаровательным! – подхватила та, что сидела слева, лукаво скосив на него глаза.

¹ Здесь и далее – стихи Омара Хайяма.

– Что же ты стоишь? Подходи, садись, будь нашим гостем, – предложила третья пери, расположившаяся посередине, широким жестом проведя рукой над скатертью.

Юноша был бы очень рад стать гостем этих прекрасных дев и разделить с ними угощение, но он по-прежнему не решался сделать и шага в их сторону. Ему казалось, что стоит ему хоть чуть-чуть пошевелиться, хоть на мгновение перестать любоваться ими и подумать о чем-нибудь, кроме них и их красоты – и они тут же исчезнут, оставив после себя только маленький песчаный вихрь.

Но все же он понимал, что невежливо молчать и заставлять их ждать – и поэтому, в конце концов, шагнул к дастархану и присел возле его четвертой, свободной стороны.

– Благодарю вас за приглашение, прекрасные пери, – пробормотал он, опустив, наконец, глаза и не решаясь снова посмотреть на соблазнительных красавиц.

Взгляд его упал на расставленные по скатерти плошки. В ближайшей к нему тускло блестя в розовом солнечном свете зеленоватые оливки, рядом с ними темнели финики, дальше виднелись просыпавшиеся на вышитую ткань фисташки, за ними изогнулись кривыми саблями плоды рожкового дерева... Юноша перевел взгляд выше, чтобы получше рассмотреть стоящие еще дальше пиалы с какими-то напитками, и снова залился краской от смущения, увидев едва прикрытую просвечивающей белой кисеей округлую грудь пери-наблюдательницы. Вновь опустив глаза и уставившись на плошку с оливками, он успел лишь мельком заметить, что эта пери держала в руке пиалу с чем-то вишнево-красным.

– Теперь этот дерзкий ребенок застеснялся, – усмехнулась красавица и протянула ему пиалу. – Расслабься, друг, подели с нами угощение! Отведай этого чудесного вина...

Молодой человек потянулся было к пиале, но потом вдруг опустил руку и заставил себя посмотреть сидящей напротив пери в глаза.

– Благодарю тебя, прекрасная хозяйка, но не могу принять это угощение. Пророк Мухаммед запрещает напитки, дурманные разум, – почтительно ответил он и опять опустил голову.

Все три пери весело рассмеялись. Их смех был таким тонким, что казалось, будто бы в воздухе чуть слышно звенят крошечные серебряные колокольчики.

– Дерзкий ребенок вырос в прекрасного скромного юношу, твердого в своей вере и принципах, – довольным тоном сказала пери в голубом. – Не соблазняй его вином, сестра – он еще попробует этот напиток, когда станет старше и не будет таким принципиальным. А ты, наш юный друг, выпей лучше вот это!

Она протянула молодому человеку пиалу с лимонно-желтой жидкостью, и он, несмело поднеся ее к губам, осторожно сделал небольшой глоток. И невольно зажмурился от удовольствия – это был самый вкусный в его жизни шербет, холодный, кисло-сладкий, освежающий и снимающий усталость. Словно не было вчерашнего дня, проведенного верхом на верблюде под палящим солнцем, и бессонной ночи, когда он сначала безуспешно пытался уснуть, а потом вылез из палатки и стал смотреть на звезды в черном небе – и смотрел, не отрываясь, пока небо не начало светлеть, а звезды тускнеть и гаснуть...

Наслаждение вкусом и свежестью на мгновение заставило юношу забыть обо всем – даже о красоте угостивших его шербетом пери. Но потом ледяной напиток, призванный утолять жажду в жару, обдал все его тело изнутри холодом, и он невольно поежился и плотнее закутался в одеяло, чувствуя, как его охватывает дрожь. Рассвет еще только занимался, солнце было совсем низко над горизонтом, и в пустыне по-прежнему царил холод.

– Ты замерз, мальчик, – сочувственно улыбнулась ему третья пери, сидевшая слева, и вручила ему маленькую перламутровую чашку, полную какой-то черной жидкости. – Глотни этого напитка, он и согреет, и взбодрит тебя!

Юноша взял в руки чашку, оказавшуюся горячей, уже без особого страха пригубил черный напиток и удивленно распахнул глаза – это угощение было горьким и сладким одновременно, и оно бодрило и возвращало силы лучше, чем шербет! По его жилам как будто потекло

живое тепло, и он ощутил столь сильный прилив энергии, что забыл и о холоде, и о бессонной ночи. Ему снова хотелось считать звезды, или читать, или сочинять стихи... А больше всего хотелось любоваться прекрасными пери, которые помогли ему избавиться от усталости и согреться. И теперь он уже смелее посмотрел на пери, сидевшую напротив.

– Что это за напиток? – спросил он, делая еще глоток из чашки. – Я никогда такого не пробовал...

– Его варят из зерен дерева, которое растет далеко на юге, в Абиссинии, там, где живут люди с кожей, такой же черной, как эти зерна и напиток из них, – ответила наблюдательница. – Пей, дорогой гость, не стесняйся, и съешь чего-нибудь сладкого!

Рядом с ней стояла плошка с кусочками халвы, и юноша, окончательно осмелев, привстал, чтобы дотянуться до этого лакомства – а заодно повнимательнее рассмотреть, как выглядит угощающая его пери под своей почти ничего не скрывавшей одеждой. Халва оказалась превосходной по вкусу, а пери... это было самое красивое и самое будоражащее зрелище в его жизни.

– Скажи, гость, не забыл ли ты нашу прошлую встречу? – спросила хитрая пери, сидящая слева.

Молодой человек проглотил еще кусочек халвы и повернулся к ней – она была так же красива и соблазнительна, как и ее мудрая подруга.

– Я помню ее во всех подробностях, помню каждое ваше слово, прекрасные пери, – ответил он. – Все эти годы я ни на минуту не забывал о ней!

– А удалось ли тебе исполнить хотя бы одно из трех своих желаний? – подала голос сидящая справа красавица.

Юноша помрачнел и ссутулился.

– Почти нет. Я уговорил отца позволить мне поехать в Самарканд и поступить в медресе. Он сначала был против, но потом сказал, что пусть лучше у него будет ученый сын и что он будет мной гордиться. Но я не успел уехать, пока он был жив... Год назад в Нишапуре был мор, и болезнь унесла моих отца и мать...

Три пери посмотрели на него сочувствующими взглядами, и улыбки исчезли с их лиц.

– Очень жаль, что ты остался без родителей в таком юном возрасте, – прошептала пери в голубом.

– Мне шестнадцать, я уже взрослый, – возразил молодой человек. – После смерти отца я стал главой семьи, мне надо было заботиться о сестре – ее болезнь пощадила. Я нашел ей хорошего мужа, уважаемого купца, который делал моему отцу заказы – с ним Айша ни в чем не будет нуждаться, и он будет к ней добр и заботлив, я знаю это. А потом я продал наш дом другим нашим бывшим заказчикам, и теперь еду в Самарканд. И я буду учиться, и стану звездочетом, математиком и лекарем – чтобы узнать все тайны мира, чтобы лечить людей, когда снова придет мор, чтобы оправдать надежды отца!

Пери в розовом протянула ему оранжевый кубик лукума, но он вежливо покачал головой и взял со скатерти маленькую луковицу, лежавшую рядом с лепешками. Сейчас ему не хотелось сладкого, сейчас он чувствовал горечь и не хотел избавляться от этой горечи.

Острый вкус лука обжег ему язык и горло, но от этого снова стало тепло, и юноша заставил себя выпрямиться и расправить плечи.

– Ну а стихи? Стихи ты попробовал писать? – поинтересовалась пери, расположившаяся справа.

– Стихи – да... – на устах сына палаточника появилась слабая улыбка. – Пробовал и продолжаю это делать. Но пока они еще недостаточно хороши...

Он откусил еще кусочек лука и отщипнул немного от теплой ароматной лепешки. Три пери переглянулись, одна из них сделала глоток вина из своей пиалы, другая выпила немного холодного шербета, а третья – горячего черного абиссинского напитка.

– Я помню также, что тогда, в нашу первую встречу, вы сказали, что я должен буду чем-то расплатиться за ваши дары, – снова заговорил молодой человек. – Я готов платить, скажите только, чего вы хотите?

Теперь пери-наблюдательница в белом посмотрела на него с уважением – и даже с почтением, а ее подруги выжидающе уставились на нее.

– Дерзкий ребенок вырос в честного и порядочного юношу, – сказала она. – Но пока он еще слишком молод, чтобы требовать с него плату. Мы возьмем ее с тебя, когда ты начнешь пользоваться нашими дарами – начнешь учиться, напишешь первое хорошее стихотворение.

– А пока позволь дать тебе один бесплатный совет, – добавила хитрая пери в розовом, не давая юноше возразить. – Ты сейчас начинаешь полностью новую жизнь, уезжаешь из старой жизни в новую. Все, что было у тебя раньше, безвозвратно ушло, в прошлом тебя больше ничто не держит, все, что ты был должен сделать, уже сделано. Все, что ждет тебя впереди, пока не наступило – позже у тебя появятся новые дела, и ты снова будешь что-то кому-то должен, но сейчас у тебя нет никаких обязательств ни перед кем. Запомни то, что ты будешь чувствовать по дороге в Самарканд – в эти дни ты будешь полностью, абсолютно свободен. И больше такое в твоей жизни не повторится. Ты будешь счастливее, чем сейчас, ты будешь несчастнее, чем сейчас, но свободнее, чем в эти дни, не будешь уже никогда.

Сын палаточника слушал ее, но не мог сосредоточиться на ее словах. Она была слишком красива – как можно было думать о свободе или о долге перед кем-либо, когда рядом с ним сидела в соблазнительной позе столь прекрасная женщина? И как можно было верить ее словам о том, что когда-нибудь он будет счастливее и несчастнее, чем в этот момент? Равно можно быть счастливее, чем сейчас, глядя на эту неземную красоту, и несчастнее, чем сейчас, зная, что скоро эта красота исчезнет?

– Запомни, каково это, – повторила пери в розовом, завершив свой монолог. – А теперь – иди в палатку и поспи хоть немного. Скоро твои спутники проснутся и снова двинутся в путь.

Он не хотел уходить. Он готов был отдать все за возможность остаться здесь, на песке, рядом с дастарханом, рядом с тремя красавицами – и смотреть на них бесконечно. А потом, может быть, приблизиться к одной из них, дотронуться до нее и... Дальше его мечты становились такими смелыми, что продолжать он не решился.

Впрочем, продолжить ему и не дали. Пери в белом, сидевшая напротив него, встала, выпрямилась во весь рост, потянулась, заставив его в очередной раз смущенно отвести взгляд, и махнула рукой своим подругам.

– Тебе пора спать, гость, а нам пора уходить, – прошелестел в утренней тишине ее нежный голосок.

И он понял, что должен уйти, как бы ему ни хотелось остаться. Понял, принял это, и почтительно поклонился красавицам.

– Благодарю вас за гостеприимство, прекрасные пери...

А потом он развернулся и зашагал по песку к своей палатке, торопясь поскорее дойти до нее и боясь оглянуться – ему казалось, что если он посмотрит назад, то не выдержит, вернется и бросится в объятия всех трех пери сразу. И останется с ними навсегда. А оставаться было нельзя. Потому что он еще не воспользовался их дарами, потому что должен был исполнить свои мечты, выучиться, стать звездочетом, лекарем и поэтом. И потому что ему еще предстоял долгий путь к месту учебы, во время которого он будет абсолютно свободным и который он должен запомнить на всю жизнь.

Он все-таки оглянулся, уже когда собирался забраться в палатку. И, как и в прошлую свою встречу с пери, не увидел на том месте, где они только что сидели, ни их самих, ни ска-терти с угощением – ничего, кроме кружащегося на ветру песка. А во рту у него стоял удивительный вкус черного абиссинского напитка, горький, как лук, и сладкий, как халва, одновременно...

Уснуть он в то утро уже не смог. И днем, в дороге, он едва не засыпал, качаясь в седле и порой склоняясь к возвышающейся перед ним мохнатой верблюжьей голове. Но полностью погрузиться в сон ему не удалось и в пути – стоило ему закрыть глаза, и перед его мысленным взором появлялись три сказочные красавицы, три перы, улыбавшиеся ему, протягивающие к нему руки, танцевавшие для него... А еще плавные шаги верблюда, как всегда, заставляли его мысли складываться в ровные стихотворные строки.

На столе Мироздания халва есть и лук,
Радость встречи нельзя испытать без разлук.
Если выпадет день, переполненный счастьем,
Горечь ночи замкнет этот суточный круг.

Глава III

458 год хиджры (1066 год н.э.), Самарканд

– ...но при этом великий Ибн Сина утверждает также, что многие болезни начинаются из-за того, что в теле человека или недостает одной из четырех составляющих его жидкостей, или, наоборот, появляется избыток одной из них, – ровным, хорошо поставленным голосом говорил стоящий посреди учебного зала молодой человек, и его слова гулко отдавались от выложенных мозаикой каменных стен. – И если, как мы помним, разница между четырьмя человеческими характерами тоже зависит от преобладания той или иной жидкости, то получается, что когда у человека меняется характер, в его теле становится больше какой-то другой жидкости и меньше той, что преобладала в нем раньше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.